

ЛЕРА ЛЕБЕДЬ

TOMORROW

ЗАВТРА

НАСТУПИТ ДВАЖДЫ

Лера Лебедь

Завтра наступит дважды

«Автор»

2026

Лебедь Л.

Завтра наступит дважды / Л. Лебедь — «Автор», 2026

Что, если худший день твоей жизни повторится снова? Полина Малышева давно вычеркнула выпускной из памяти. Она не рассказывала о нём никому — ни друзьям, ни психологу, ни отцу. В тот вечер её сердце вывернули наизнанку перед всей школой, и она сбежала, пообещав себе никогда не возвращаться. Прошло двенадцать лет. Полина — журналистка, живёт в столице, пишет скучные статьи и старается не вспоминать прошлое. Но один телефонный звонок меняет всё: из родного города сообщают, что Андрей — её первая неразделённая любовь — погиб. Полина решает поехать на похороны, чтобы наконец закрыть эту страницу. Вот только до города она не добирается. Авария. А после неё — пробуждение в собственной детской комнате. В день, который она поклялась забыть. В день своего выпускного. Теперь у неё есть шанс. Пережить всё заново. Ничего не менять. Или изменить всё. Но прошлое не отпускает просто так. И, кажется, у этого дня свои правила.

© Лебедь Л., 2026

© Автор, 2026

Лера Лебедь

Завтра наступит дважды

Глава 1

Вечерний город за окном уже не казался приветливым. С двадцать девятого этажа делового центра Москва выглядела нагромождением стекла, бетона и нетерпеливых огней, разрезающих сырую темноту. Полина сидела за столом, подперев голову рукой, и смотрела на дорогу. Где-то внизу бесконечным ручьем текли машины: красные стоп-сигналы вспыхивали и гасли, будто кто-то нервно дышал в такт вечерним пробкам.

Статья о выставке породистых собак не писалась.

На экране ноутбука сиротливо белел заголовок: «Чем удивят заводчики в этом сезоне: главные породы осени». Ниже — три пустых абзаца. Мысль ускользала. Полина снова перевела взгляд в окно. Там, за толстым стеклом, шумел сентябрьский вечер: ветер гонял по тротуарам первые пожухлые листья, вдали мерцала вывеска какого-то ресторана. Красиво. И совершенно неинтересно.

Внутри было тихо и пусто. Не то чтобы она устала. Скорее — перегорела. Когда-то ей казалось, что журналистика — это кабинеты, пропахшие табачным дымом, ночные редакции, звонки, которые разрывают тишину, и материалы, от которых у читателей бегут мурашки. На деле всё оказалось иначе: бесконечные заказные тексты, вежливые правки, согласования, корпоративные письма. И вот — выставка собак. Стабильно. Тоскливо. Надежно.

Полина вздохнула и снова заставила себя смотреть в монитор. Ей двадцать девять, у неё хорошая должность в крупной газете, собственная колонка. Не хуже, чем у других. Но внутри всё чаще свербело смутное, липкое чувство, будто она не живёт, а ждёт, когда начнётся настоящая жизнь.

В следующем месяце у неё отпуск. Она машинально отметила это в голове ещё утром и с тех пор держала мысль на периферии, как занозу. Надо бы съездить к отцу. Надо бы. Но от самой идеи ехать в родной маленький городок, где каждая улица пропитана прошлым, становилось тесно в груди. Она туда не хотела. Ни в отпуск, ни вообще.

Полина тряхнула головой и уставилась в статью. «Выставка породистых собак — это не только место встречи профессионалов, но и...» — прочитала она собственные слова и поморщилась. Скучно. Пресно.

Ей хотелось писать о том, что действительно важно. О людях, чьи судьбы ломаются и собираются заново. О чиновниках, которые прячут за громкими словами пустоту. О новостях, от которых сжимается горло. Но для этого нужно было пойти к руководству и попросить о переводе. Или хотя бы заикнуться. Но нет. Страшно. Вдруг откажут? Вдруг посмеются? Скажут: «Сиди уж, Полина Викторовна, на своих собачках». И она сидела.

Часы на стене показывали половину восьмого. В редакции было уже почти пусто: за соседними стеклянными перегородками не горел свет, только в конце коридора шуршал чей-то принтер.

Полина решительно захлопнула ноутбук. Всё. Текст подождёт до завтра. Ничего с ним не случится. Собаки не разбегутся.

Она встала, потянулась, размяла затекшие плечи. Сложила ноутбук в сумку, проверила, на месте ли телефон, поправила воротничок светлой рубашки. Строгая юбка-карандаш сидела идеально, но туфли уже успели натереть. Полина мысленно в который раз пообещала себе купить что-то более удобное. И в который раз знала, что не купит, потому что не умеет выбирать обувь, а на каблуках ходить так и не научилась.

Она уже выключила свет в кабинете, когда в сумке ожил телефон.

Экран вспыхнул, по кабинету разнёсся вибрирующий гул. Полина нехотя глянула на дисплей.

«Папа».

Она замерла. Внутри что-то сжалось. Рука, уже тянувшаяся к выключателю, опустилась.

Звонок не прекращался. Телефон гудел настойчиво, требовательно, как человек, который долго не решался и наконец-то решился.

Отец редко звонил. Ещё реже — в такое время. Обычно — раз в месяц, а то и реже, по выходным, с дежурными вопросами: как работа, как здоровье, не нужны ли деньги. Она отвечала так же дежурно: нормально, здоровье в порядке, деньги не нужны. И оба делали вид, что так и должно быть.

Полина смотрела на светящийся экран, перебирая в голове предлоги. «Не услышала». «Телефон был в сумке». «Занята». Потом перезвоню. Завтра. Никогда.

Но звонок всё не смолкал. Отец словно решил добиться ответа во что бы то ни стало.

«Может, что-то срочное», — мелькнуло в голове.

Сердце кольнуло тревогой. В их семье не звонили без причины. Полина медленно провела пальцем по экрану и поднесла телефон к уху.

— Да, пап.

В трубке повисла короткая пауза, а затем раздался его голос — глуховатый, осторожный, словно он сам не верил, что она ответит.

— Привет, Полина. Как дела?

Она прикрыла глаза. Ну конечно. «Как дела». У них всегда было одно и то же.

— Нормально, — ответила она ровно.

Отец помолчал. В трубке было слышно его неровное дыхание. Казалось, он собирается с силами. Полина почувствовала, как между ними, как всегда, вырастает стена из недосказанности. Толстая, холодная, давно знакомая. Они научились обходить её, не приближаясь.

— Ты ещё на работе? — спросил он наконец.

— Уже ухожу.

Ещё одна пауза. Полина переложила телефон в другую руку. Ладонь вспотела.

— Пап, я устала. Если ничего срочного, давай...

— Андрей погиб.

Он сказал это тихо. Без перехода. Так, словно боялся, что если не скажет сразу, то не скажет уже никогда.

Полина замерла.

Внутри всё оборвалось. Трубка стала тяжёлой, будто налилась свинцом.

— Что? — выдохнула она.

— Андрей, — повторил отец. — Погиб. Похороны послезавтра.

В кабинете стало непривычно тихо. Даже машины за окном, казалось, на секунду перестали гудеть.

Полина слышала собственное сердце. Оно стучало где-то в горле, гулко, неровно.

— Ты приедешь? — спросил отец.

В его голосе не было ни напора, ни упрёка. Только усталость и что-то ещё, похожее на осторожную надежду.

Полина сглотнула. Губы пересохли.

— Вряд ли, — сказала она хрипло, сама не узнав свой голос.

Повисла пауза. Долгая. Немая. Отец не стал спорить. Он вообще никогда не спорил.

— Понятно, — проговорил он едва слышно. — Ну... береги себя.

— До свидания, пап.

Она отключилась первой. Опустила телефон и уставилась в тёмное окно.

Город за стеклом расплывался перед глазами. Огни дрожали, плыли, превращались в мутные пятна. В висках застучало.

Андрей погиб.

Она повторила эти слова про себя, и они обожгли гортань.

Ноги ослабли. Полина машинально села на край стола, вцепившись пальцами в холодную столешницу. Сумка сползла с плеча и глухо упала на пол, но она этого даже не заметила.

Андрей.

Перед глазами, как молнии, вспыхивали картинки. Красивое лицо. Ямочки на щеках. Ровный, почти скульптурный профиль. Волосы, падающие на лоб. Его смех — лёгкий, с хрипотцой. Он никогда не смеялся над ней. Он смеялся рядом. И от этого было ещё больнее.

Вспышка.

Выпускной. Дурацкое платье. Сломанный каблук. Слёзы, которые она прятала в тёмном углу. И он — подошедший не по любви, а по просьбе друга. Такой красивый, чужой, недостижимый. И её позор, застрявший в гортани на долгие годы.

Полина вздрогнула. Воспоминания кололи, как осколки стекла. Дыхание сбилось. Она зажмурилась, но картинки продолжали вспыхивать под веками: школьный зал, медленная музыка, его руки, которых она не заслужила. И боль. Тихая, застарелая, вросшая под кожу.

Она открыла глаза. По щеке медленно скатилась одинокая слезинка. Горячая. Ненужная. Полина торопливо смахнула её ладонью, будто стыдясь собственной слабости.

Внизу всё так же шумел город. Кто-то ехал домой. Кто-то пил кофе. Кто-то смеялся. А в ней, как разбитое зеркало, звенело прошлое.

Она посидела ещё минуту, глядя в одну точку. Потом шумно выдохнула, подняла сумку, поправила волосы.

«Поеду».

Эта мысль пришла неожиданно, но твёрдо. Поеду. Попрощаюсь. В конце концов, он был её первой неразделённой любовью. Единственным, кого она так и не смогла вырвать из сердца.

Андрей погиб. И с ним — последний обрывок её глупой девчачьей тайны.

Полина вскинула подбородок, сжала телефон в руке и шагнула в темноту опустевшего офиса.

* * *

Утром Полина проснулась с тяжёлым чувством, будто и не спала вовсе. Тело казалось ватным, голова — чужой, переполненной обрывками вчерашнего вечера. Андрей. Папа. Похороны. Звонок, который не должен был случиться. Она лежала под одеялом, глядя в потолок, и не могла заставить себя подняться.

С работы она отпрашивалась сразу, как только вошла в кабинет. Начальник, флегматичный мужчина с вечно уставшими глазами, не стал задавать лишних вопросов. Только мельком глянул на неё поверх очков, кивнул и подписал заявление на три дня. Полина сдала статью о породистых собаках и их гордых хозяевах, даже не перечитывая. Слова легли на бумагу сами, безжизненные, как осенние листья под ногами. Ей было всё равно.

Она вернулась домой, постояла у шкафа, бездумно перебирая вещи. Потом собрала небольшую сумку: пара строгих блузок, тёмное платье, бельё, косметичка. Всё простое, немаркое, подходящее для похорон. Для возвращения в город, где она когда-то поклялась больше не жить.

Ей было не по душе проводить много времени в доме, где прошло её детство и взросление. Не потому, что дом был плохим. А потому, что теперь там жила другая жизнь. Чужая. Аккуратная, налаженная, обжитая женщиной, которая заняла место, ей не предназначенное.

Тётя Эля.

Полина застегнула молнию на сумке, но в груди уже поднималась знакомая глухая волна. Тётя Эля была подругой мамы. Близкой. Они вместе пили чай на кухне, вместе сажали цветы

во дворе, вместе ездили за занавесками. А после маминой смерти она плавно перебралась в их дом. Сначала — помогать, готовить, утешать. Потом — осталась.

Полина, как взрослый человек, понимала, что отец не сделал ничего дурного. Прошло много лет. Мама умерла, а он остался жить. Имел право. И всё же тягостное чувство предательства не отпускало. Оно сидело где-то под рёбрами, тихое, но ядовитое.

Каждый раз, приезжая в отчий дом, Полина злилась, когда видела, как тётя Эля берёт посуду, которую покупала, мыла и выставляла на стол её мама. Эти тарелки с тонкой золотой каймой, эти чашки, эти салатницы — они будто всё ещё помнили мамины руки. А теперь их касались другие пальцы. Хозяйка сменилась.

Особенно ранило, когда тётя Эля стелила на кухонный стол красивую белоснежную скатерть с золотым рисунком. Ту самую. Мамину. Мама доставала её только по праздникам, а потом заботливо убирала обратно в шкаф до следующего большого случая. А тётя Эля — стелила её по воскресеньям, будто обычную. Будто не было в этой ткани ничего святого.

Полина не говорила об этом вслух. Но внутри всё сжималось, когда она представляла, как чужие руки разглаживают белоснежное полотно. Ей казалось, что тётя Эля — не просто жена отца, а замена. И эта замена оскверняла чистую, светлую память о маме одним своим присутствием в доме.

И ещё отец. Он был счастлив. Это читалось в его расслабленных плечах, в мягком голосе, в том, как он смотрел на тётю Элю за завтраком. И Полина злилась. За то, что отец смог. За то, что жизнь после мамы не остановилась. За то, что он не застрел, как она.

Полина сама не чувствовала себя счастливой после маминой смерти. Ей было одиноко, колко и пусто. А отец — прошёл. Принял. Отпустил. Это казалось ей тихим предательством. Будто, сойдясь с тётей Элей, он стёр мамино присутствие из дома. А значит, и из себя.

Она бросила сумку на заднее сиденье и уселась за руль. Мотор завёлся ровно, тихо, словно тоже не хотел никуда ехать. Полина ещё раз проверила телефон, нажала кнопку блокировки, положила его в подстаканник. В зеркале заднего вида мелькнуло её собственное лицо: бледное, уставшее, с заострившимися скулами. Чёлка падала на глаза. Она поправила её резким движением и выехала со двора.

Город провожал её серыми многоэтажками, пробками и запахом осени. Полина ехала и снова вспоминала Андрея. Не могла не вспоминать. Он был очаровательный. Лучший во всём. По истории знал столько, что учитель ставил его в пример даже отличникам. В математике — давал списать половине класса, никому не отказывая. Учителя любили его. Девчонки — тем более.

Андрей улыбался, и на щеках появлялись ямочки. В нём не было ни капли надменности, хотя всё — от внешности до ума — давало ему право быть заносчивым. Именно этим он и разбил ей сердце.

Полина вдруг осознала, что знала его лишь подростком. Взрослым мужчиной он остался для неё незнакомцем. Между выпускным и сегодняшним днём пролегли годы, в которых Андрей жил, дышал, строил что-то, любил кого-то. А она не знала ничего. И теперь уже не узнает.

За городом дорога размоталась, как серая лента. По бокам потянулись поля — пустые, убранные, с редкими рощами на горизонте. Потом — деревни с покосившимися заборами, заправки, придорожные кафешки с яркими вывесками. Полина ехала и не останавливалась. Ей хотелось как можно скорее добраться и покончить с этим. Или хотя бы вырваться из собственных мыслей.

Через три часа она увидела знак с названием родного города. Подгорск. Белые буквы на синем фоне. Сердце ёкнуло. Она сжала руль крепче и включила радио, чтобы не слышать собственных мыслей.

Здесь машин почти не было. Дорога не слишком хорошая, с выбоинами и заплатками, но ехать можно. Сентябрь выдался солнечным и по-летнему тёплым. Полина надела солнцезащитные очки и уверенно направила машину к перекрёстку, за которым начинался город.

Деревья по обочинам тянули к небу голые ветки. Слева блестела лужа, в которой отражалось бледное солнце. Полина глянула в зеркало. Сзади — никого. Впереди — пусто.

И тут шум.

Резкий, рвущий воздух, нарастающий с невероятной скоростью. Она не успела понять, откуда. Только боковым зрением увидела слепящую сталь, летящую прямо в неё.

Удар. В пассажирскую сторону.

Мир взорвался металлом и стеклом. Машину закрутило. Визг тормозов. Скрежет. Собственное дыхание, сорвавшееся на крик. Полина изо всех сил вцепилась в руль, но машину уже несло. Руль вырывался из рук, словно живое существо. Она попыталась вырулить, но опоздала.

Автомобиль начал переворачиваться. Раз. Второй. Полину швырнуло в сторону, ремень впился в грудь, в глазах всё смешалось: небо, асфальт, летящие осколки. Грохот стоял такой, будто земля раскалывалась на части.

Сработала подушка безопасности — жёсткий, удушающий удар в лицо. Запах гари и пыли. Звон в ушах.

А потом — резкая боль и темнота.

Тьма навалилась разом, липкая, тягучая. Полина даже не почувствовала, как остановилась машина. Сознание провалилось в глухую, вязкую черноту.

Сквозь эту непролазную тьму пробился звук.

Противный.

Тонкий, настойчивый, раздражающий до дрожи. Он доносился откуда-то издалека, но с каждым мгновением становился всё ближе, всё громче. Полина, ещё не открыв глаз, поморщилась.

«Что это ещё такое?»

Звук ввинчивался в голову, будто кто-то сверлил висок изнутри. Знакомый и совершенно чужой одновременно. Такой далёкий, будто из прошлой жизни. И оттого ещё более жуткий.

Она резко вдохнула.

Глаза распахнулись.

Перед ней была комната. Светло-зелёные стены с поблёкшими обоями. Белый потолок с трещинкой в углу. И запах — лёгкий, пыльный, с примесью старой мебели.

Это же её комната.

Полина замерла, не дыша. Взгляд заметался по сторонам, отыскивая источник мерзкого звука. И нашёл.

На прикроватной тумбе стоял будильник.

Розовый. Пластмассовый. Ужасно бесвкусный. С белыми кнопками и круглым циферблатом, на котором замерли стрелки.

У неё когда-то был такой. Давно. В детстве. Она помнила его. И от этого стало по-настоящему страшно.

Полина выключила будильник дрожащей рукой и, не сводя с него глаз, снова откинулась на подушку.

Сердце колотилось где-то в горле.

— Что происходит?.. — прошептала она в пустоту.

Никто не ответил. Только за окном, за лёгкой занавеской, начинало светлеть небо. Будто утро, которого не должно было быть.